

ИРИНА
ХАКАМАДА
ЛЮБОВЬ, ВНЕ ИГРЫ
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
САМОУБИЙСТВА

Ирина Муцуовна Хакамада
Любовь вне игры. История одного
политического самоубийства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157368

Любовь вне игры: история одного политического самоубийства: АСТ, Астрель; М.; 2007
ISBN 978-5-17-046960-4, 978-5-271-16839-0, 978-5-17-064011-9

Аннотация

«Любовь, вне игры» – история о любви женщины и мужчины, обремененных карьерным успехом, славой, светской жизнью, и при этом отчаянно одиноких. Героиня – известный федеральный политик.

В момент разочарования в профессии и семейной жизни она встречает Его, не испугавшегося своего чувства и открывшего ей совсем другой, восхитительный мир – образов, чувственности и бесконечной иронии над собой.

Герои пытаются замереть и сохранить свой хрупкий мир, мир двоих, мечтая об Африке – символе абсолютного счастья.

В какой-то момент героине кажется, что это возможно.

Но это не так.

Вокруг нее закручивается водоворот трагических событий, который заставит их обоих сделать окончательный выбор. Однажды, увидев себя в старинном венецианском зеркале, она заглянет в бездну, и бездна ответит ей, и она почувствует свое будущее.

Но – слишком поздно...

Содержание

Пролог	4
Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Часть II	16
Глава 1	17
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ирина Хакамада

Любовь вне игры. История одного политического самоубийства

С благодарностью Тонино Гуэрре и Антону Ланге

Все имена, персонажи, события являются художественным вымыслом автора и не имеют отношения к реальной действительности

У меня нет принципов.

У меня есть только нервы.

Рюноске Акутагава

Пролог

Мобильный телефон – лучшее изобретение человечества. Так полагает большинство. Этот маленький атрибут двадцать первого века прочно обосновался в карманах бизнесменов, сумочках домохозяек и портфелях детей. Он хранит в своей памяти номера всех людей, с которыми мы встречались в последние годы. Тех, с кем общаемся каждый день, и тех, кому не позвоним уже никогда.

Мы больше не отключаем мобильник ночью и в выходные. Находясь «вне зоны доступа», включаем автоответчик. Живем, в любую секунду ожидая вызова. Нам кажется, так мы держим жизнь под контролем. И редко задумываемся над тем, что маленький аппарат – орудие управления нами.

Честолюбие и желание любой ценой оставаться в мейнстриме удовлетворяются частотой звонков. Мы боимся тишины и длинных пауз. Мы ненавидим мобильник, если он подолгу молчит. Теряемся, когда он ломается или находится «вне связи». И нет сил самому по доброй воле остановить время.

Часть I Звонок

*Мой страх свободен и обнаруживает мою свободу.
Ж.-П. Сартр. Бытие и ничто*

Глава 1

Телефон звонил.

Упрямо, настойчиво, с досадой.

Чуждый миру безмятежных дач, он бесцеремонно ворвался в мерное течение загородного утра. Игнорируя раздраженный лай собак, требовал принять вызов.

Телефон звонил.

Еще вчера его хозяйке казалось: если уехать на дачу, хоть ненадолго вырваться из воронки будней – станет пусть не спокойно, но все же легче. Не получилось. Вроде все хорошо: вместе на даче, а покоя нет, и опять всплывает прошлая боль, и ничего не помогает.

Телефон звонил.

Женщина сосредоточенно разглядывала последний цветок, пробившийся сквозь желтые листья, явно не слыша звонка. Все ее существо пыталось впитать в себя любимый запах поздней осени – сырого дерева, травы и дождя. Хотелось забыться в осенней усталости природы и – устать вместе с ней.

Наконец телефон умолк. В доме распахнулось окно.

– Мария!

Взволнованный окрик заставил поднять голову. По-осеннему красивая женщина удивленно посмотрела на мужа. Сергей споткнулся об этот отрешенный взгляд. На мгновение растерялся от нектати нахлынувшей нежности, смутился и уже тише добавил:

– Кремль, спецсвязь...

Пока шла от беседки до крыльца – всего лишь десять шагов, – четко осознала: новость будет отвратительной. Сердце зашло в бешеном ритме. Стремительно поднявшись по лестнице, Мария распахнула дверь кабинета. С надеждой посмотрела на телефон – может, просто рабочая ситуация?

Взяла трубку:

– Да.

В дверях замер Сергей. Не отрываясь, следил за ее по-мальчишески угловатой фигурой, за меняющимся выражением лица. От него не ускользнули ни дрогнувшие плечи, ни решительно сжавшиеся губы.

– Понятно, ясно, хорошо. До свидания... – попрощалась она и медленно, как будто кто-то включил другую скорость жизни, очень медленно положила трубку на аппарат и застыла.

«Опять оказалась права. Новость действительно отвратная. Больше того – катастрофа. Причем такого масштаба, что коснется всех. Абсолютно всех...»

Голос мужа вырвал ее из оцепенения:

– Плохие новости?

Мария отвела взгляд и с досадой отметила: скрывать будет трудно – уж больно хорошо они чувствуют друг друга.

– Надо ехать... Извини. Вызывают. Срочно.

– Ольгу поцелуешь? – Он вдруг переключился. Словно понял без слов, в одну секунду, что лучше лишних вопросов не задавать.

– Нет. Не хочу будить. Опять расстроится, что уезжаю.

Ответила слишком поспешно, но была уверена – так и надо. Сейчас нельзя видеть тех, кого любишь больше жизни.

Сергей поцеловал ее в щеку, только попросил, как просил всегда, слегка отстраненно:

– Будь на связи, ладно?

В машине она закурила. Закрывает глаза. Так легче вспоминать и думать: когда все началось? Когда она, Мария Гордеева, вдруг проскочила на скоростном шоссе своей жизни последний поворот, за которым уже не будет возврата?

Сигарета обожгла пальцы. Вздрогнув от боли, Мария очнулась. В стекла забил равнодушный, как небо, дождь. Реверс несбыточен. Отснятые кадры лежат в архиве прожитой жизни. А значит, кино будет длиться, пока не закончится отмеренная кем-то пленка. И хоть замысел сценариста – невнятен, в ее, Марии, власти попробовать сыграть свой финал.

А почему бы и нет?! Почему бы не стать режиссером?

Итак, сценарий – в сторону. Все будет по-другому. Поехали. Снимаем капли. Крупным планом выхватываем одну... Как она падает на стекло. И – это важно – щетка уничтожает каплю. Сквозь мерную работу дворников выхватываем лицо героини... Камера-два. Мотор... Автомобиль тихо съехал с гравия на блестящий асфальт, выждал мгновение и рванул по направлению к городу.

Глава 2

Здание парламента неприятно поразило Марию своим абсолютным спокойствием. Впрочем, что с ним должно произойти? Какие вообще события могли бы потрясти бывшее Министерство экономики, стоящее здесь со сталинских времен, чуждое сострадания и хотя бы налета современности? В таких местах всегда теряешься – в пространстве и времени. Повсюду – истертые бесчисленными спинами стены. До трещин высиженная кожа кресел. У входа – сотрудник ФСО, сверлящий взглядом до дна твоей совести: не ты ли в далеком детстве без спросу съела банку варенья? Не мир, а фантом, рожденный исторической памятью. Навсегда застывшее, законсервированное для потомков безвкусное желе нетленной бюрократии.

Один поворот бронзовой массивной ручки переносит тело не только в другую эпоху – в другой мир, где суета и стремительный бег – всего лишь желание остаться на месте. Здесь самая нелепая фраза произносится с осознанием своей значимости. Здесь верят лести, улыбаются врагам, аплодируют пошлости. Мир кукол и кукловодов. А главное – уверенности, что дешевый спектакль и есть реальная жизнь. Зазеркалье...

«Когда не знаешь, что говорить, говори по-французски. Когда идешь, носки ставь врозь. И помни, кто ты такая!» – Черная Королева из сказки Льюиса Кэрролла мелькнула и тут же растворилась в воздухе. Мария последовала ее совету. Распрямив плечи, уверенным шагом прошла мимо прапорщика.

Укрывшись в своем кабинете от людских и столовских запахов, безнадежно заплутавших в бесчисленных коридорах и впитавшихся в стены, нажала кнопку телевизионного пульта, словно не ящик включила, а инициировала запуск ракеты. До взрыва – несколько часов, а мир продолжает жить, будто впереди целая вечность. Кто сообщит об этом первым – «Россия» или НТВ?

Остановившись на последнем, Мария скинула пальто и села за стол. И так, чем убивают вечность? Разговорами, планами, чтением. Связалась с приемной:

– Лиза, будьте добры чашечку кофе. Константин на месте? Пусть зайдет.

Пододвинула ближе ворох бумаг.

Сосредоточиться не удавалось. Текст превращался в ровные черные линии. Она не слышала, как Лиза принесла ей кофе. Не видела, как вошел Константин. Увидев, удивилась его присутствию. Едва ли вспомнила, что вызывала, но спросила, повинувшись привычке:

– Что у нас сегодня?

– Все по графику. Три интервью, встреча с группой экспертов по пакету законов о борьбе с коррупцией. После провала пакета на заседании правительства они подготовили другой план действий. А вечером – встреча с избирателями в округе: отчет о проделанной работе. К девяти надо успеть на посольский прием...

– Все отменяется. – Мария потеряла нить перечислений и снова отвернулась к экрану. – Сегодня трудный день.

– Они обидятся, если не придете, – заметил помощник, не распознав в интонации ледяного оттенка. С укором добавил: – Третье приглашение...

– Скоро узнаете. Я могу в любой момент уехать.

– Но это невозможно! – Костя проследил за ее взглядом: на экране мелькали рекламные ролики. Повысил голос, требуя внимания: – Невозможно отменить встречу с экспертами и избирателями!

– Скоро узнаете, – монотонно повторила она. – Я не могу говорить. Но все отменяется. Помощник поднял руки: сдаюсь!

– Ну ладно, если так... – И уже без надежды встряхнуть, заинтересовать эту новую, непривычно замкнутую Марию попросил: – Может, хоть одно интервью дадите? Газета – массовая, журналист – известный. Тема – реформа правительства. В нынешних условиях это то, что нам очень надо. Ведь борьба продолжается, правда? – Она кивнула. – Ну так что, время еще есть?

А есть ли оно, это время? Мария автоматически взглянула на часы: одиннадцать тридцать. Интересно, сколько еще? Хватит? На что, собственно? На то, чтобы дать интервью? Или – изменить жизнь? Очередной раз поверить, что ее идеи кому-то нужны? И снова разочароваться?

Помощник обиженно уставился в телевизор. Еще бы! Он так старался! Пригласил известного журналиста, а теперь Мария срывает ему все планы...

– Хорошо, я дам интервью, – кивнула она. – Зовите.

Журналист действительно оказался весьма известным и даже знакомым.

К сожалению, предыдущая встреча не оставила у Марии хороших воспоминаний. Вернее – не оставила никаких. Это в начале политической карьеры она волновалась из-за глупых, никчемных вопросов, поражалась умению вывернуть ее слова наизнанку, звонила, спорила, даже во сне продолжая что-то кому-то доказывать...

С годами пришло умение забывать. Забывать бездарных журналистов, а помнить талантливых. Но последних становилось все меньше. Ну вот – забыла имя. Подобное случилось с Марией не часто: у тех, кому политика заменяет жизнь, память на имена и лица отточена, как у разведчиков.

И Константин хорош: хоть бы напомнил!

Вытащив из памяти желтоватую статью двухмесячной давности, полную липкого словоблудия и самоутверждения автора за счет своего визави, Мария вспомнила подпись: «Николай Елистратов»... Справившись с подкатившей волной раздражения, терпеливо поздоровалась:

– Здравствуйте, господин Елистратов, – и сразу определила границы, даже не пытаясь выглядеть приветливой: – Надеюсь, в этот раз мы поговорим быстро и содержательно – у меня совсем нет времени.

С безусловной уверенностью в себе, подсмотренной в западных фильмах и отработанной в московских клубах, журналист развалился в кресле. Все так же, в манере американского баловня судьбы ответил:

– Нет проблем. А закурить можно?

– Конечно, вот пепельница. – В противовес его хамоватости Марии хотелось быть безупречно вежливой. – Вам чай, кофе?

– Спасибо, уже угостили в приемной. Каким временем я реально располагаю? Я просил один час. Мы договорились с Костей...

Его тон и наглость все же задели: час времени! Профессионалам хватает получаса! И в итоге они выстраивают потрясающий материал. И только адепты «бумажных блокбастеров» заставляют говорить долго и много, чтобы поймать на оговорках.

– Не знаю, – стараясь держать себя в руках, ответила она. – Может, его уже совсем и нет.

Наигранная заинтересованность на лице журналиста сменилась профессиональным беспокойством:

– Что-то случилось?

– Давайте начинать, – оборвала его Мария, пожалев о случайно брошенной фразе.

– Хорошо. – Елистратов разочарованно прикурил сигарету, включил диктофон, как будто передернул затвор автомата: – Вы подготовили нашумевший пакет административной реформы, включая законы о борьбе с коррупцией. Что ж, дело благородное – кто только с

нею не боролся! Столько воплей вокруг вашего пакета, а вы продолжаете бороться. Ради чего? Чем он так хорош? Это вы рейтинг себе поднимаете или серьезно?

– Я выполняю обещания, данные людям. Пакет реформы власти – власти, а не общества! – часть моей предвыборной программы, – напомнила она. – Я делаю свое дело. А вы уж интерпретируете как угодно. Это ответ на один вопрос. А теперь – самое интересное: чем моя идея принципиально отличается от других...

Мария вдруг начала заводиться. Как будто не было позади неудач и превратно истолкованных Елистратовым слов. Ей отчаянно захотелось достучаться до этого в принципе умного молодого человека. Наверняка способного к размышлениям, иначе вряд ли ему удалось бы стать столь известным.

– В России создан миф, – продолжала она, – что у нас самый наглый чиновник, самый вороватый бизнесмен, самый продажный журналист... – Елистратов прижал к груди руку и картинно поклонился, Мария через силу ему улыбнулась: – Но я верю в людей. В их изначально нравственную природу. Если создавать правила, при которых быть честным професионалом выгодно, а воровом – не выгодно, то можно добиться успеха и в борьбе с коррупцией, и неуплатой налогов и так далее. Все предыдущие законы направлены на ужесточение наказания, а мои – на стимулирование честности.

– Но это же романтический бред! – Единожды слизав образ популярного ведущего политического ток-шоу, Елистратов не собирался пробоваться на другие роли. – Как можно заставить чиновника, распределяющего миллиарды рублей, не воровать?! Вы что, решили надеть на себя доспехи Дон-Кихота? Власть – не ветряные мельницы...

«Ему не хватает публики и табличек с надписью „аплодисменты“ для самых удачных реплик», – подумала Мария.

– Вы меня не только перебили, но и не поняли. – Немного сбита с толку журналистом, несомненно, готовящим скандальные вопросы-ответы заранее, Мария все же попыталась ему объяснить: – Ваше ключевое слово: «заставить», а я...

Динамичная зеленая заставка экстренного выпуска новостей оборвала на полуслове. Немигающим взглядом Мария следила, как заставка сменяется изображением ведущего, затем – картинкой знакомого здания. Елистратов с интересом оглянулся на экран. Первым отыскал на столе пульт, снял блокировку громкости:

– ...по предварительным данным, в кафе находятся десятки заложников. Есть дети. Цифры уточняются...

Неожиданно появившийся звук показался Марии оглушительным. «Десятки заложников». Информация ушла. Свершилось. И что теперь? «Есть дети». Непроизвольно дернувшаяся в поисках пульта рука задела кофейную чашку. Фарфор жалобно звякнул.

В глазах Елистратова вспыхнул охотничий азарт:

– Вы знали что-то заранее?

Мария пресекла попытку журналиста заполучить скандальный материал:

– Вы же видите, мы не можем продолжать интервью. Ужас... Просто ужас...

Она успела подумать, что кто-то другой, оказавшись на ее месте, составил бы фразу заранее. А она как всегда... Мелькнувшая мысль затерялась в лавине других обрывочных мыслей, потоке экстренных сообщений и телефонных звонков.

– ...ждут комментариев! Ведущие каналы телевидения! – Голос Константина вытащил Марию из какофонии мыслей и звуков.

– Никаких комментариев! – с удивлением услышала она собственный, ровный и уверенный, голос. – Встречи отменяются. Всем успокоиться и быть на рабочих местах.

Помощник обескураженно оставил кабинет. Мария бросила взгляд на телефон пражительственной связи. Единственный аппарат, не издавший еще ни звука. Ну что же ты?

Молчишь? Так долго? Будто в ответ на ее мысли телефон зашелся, как ей показалось, воем сирены.

Елистратов не сводил с Марии глаз. Почувывшим добычу ястребом замер в кресле, фиксируя каждое движение. Вот она берет трубку, внимательно слушает, нажимает отбой. Открывает мобильник, задумчиво вертит в руках, выключает, кладет в карман. Подхватывает сумочку. Машинально, не замечая сидящего журналиста, берет пальто. Не прощаясь, выходит из кабинета...

Глава 3

Звук шагов тонул в зелено-красном ковре, змеей тянувшимся вдоль коридора. Закрытые дубовые двери без табличек с указанием хозяев.

Тишина... Тишина почти торжественная. Потусторонняя. И даже воздух словно искусственный. И еще – холод. Он шел от стен и откуда-то изнутри, застряв в области солнечного сплетения. Страх, влажный и противный, медленно поднимался все из той же точки, подбираясь к горлу.

Пришлось остановиться, перевести дух, успокоиться и решительно двинуться дальше. Тридцать два, тридцать четыре, тридцать шесть... вот он: тридцать восьмой кабинет. Приемная. Цепкий взгляд офицера, кивок головой, и, наконец открывается дверь, но теперь уже с табличкой «И. И. Николаев».

«Черт, забыла спросить имя-отчество – наверное, Иван Иванович...»

Хозяин, чей облик в качестве главной черты помимо тучности содержал какую-то общую усталость – серовато-холодного взгляда, слишком четких, глубоких морщин, припыленных сединой волос, – взмахнул рукой в приглашающем жесте. И рука эта тут же легла на стол, мгновенно заняв привычное положение, как будто даже одного взмаха ей было достаточно, чтобы выбиться из сил.

Опустившись в кресло, Мария поймала взгляд обладателя руки...

– Здравствуйте. Генерал ФСБ Иван Иванович Николаев. Нет времени – поэтому сразу перехожу к делу...

«Угадала...»

– ...Мне поручено передать вам следующую просьбу от руководства: стать переговорщиком между террористами и властью, – четко и ритмично проговаривал он. – Цели две. Первое: уточнить их требования, по возможности смягчить. Второе: выяснить обстановку внутри кафе, потянуть время. Интересно все: сколько их, где заложена взрывчатка, можно ли допустить врачей, вытащить детей... Просто все, что сможете... – Голос Ивана Ивановича неожиданно сбился с ритма, зазвучал сердито: – А главное – выйти оттуда и все рассказать. Вопросы есть?

– Да. – Мария кивнула. – Иван Иванович, они уже выдвинули какие-то требования? – Предательская точка страха пульсировала и белила щеки. – И – почему я? Фамилию назвали спецслужбы или террористы?

– Переговоры уже велись, по телефону. Сразу после захвата. Пресса еще ничего не знала. Выдвинутые требования выглядят невыполнимыми. Их ультиматум – ждут шесть часов. Фамилии назвали заложники. Просили допустить политиков – бандиты согласились. Из названных четверых трое – не в Москве. Остались вы. Поэтому вас предупредили утром. И поэтому вот такая вот просьба. – Иван Иванович надавил: – Просьба! Не приказ. Вы можете отказаться...

Он пристально разглядывал Марию, пытаясь угадать ее реакцию. Внешне спокойная, Мария замерла, стараясь сделать вид, что размышляет, хотя все мысли просто исчезли. Пустота. Выдержала паузу. И вздохнув, как-то по детски горестно, сказала:

– Я согласна. Что делать?

Генерал выдохнул – не то облегченно, не то обреченно – не разобрать.

– Сейчас вас отвезут на место захвата. Никаких контактов с внешним миром. Семью предупредим. Информация уйдет, но позже – сейчас это лишнее. Я вас провожу...

И снова – мягкий ковер, паркет, ступени, но только в обратном порядке, и – маленький внутренний дворик, где наконец-то можно плотненько схватить жадным ртом спасительный влажный воздух.

– Не ходи туда, – доносился сквозь вязкую тишину чей-то голос. – Не ходи туда, слышишь? Ты, конечно, храбрая, взрослая.

Опытный политик. Но... В общем, таким, как ты, – не надо туда, слышишь?

Мария с удивлением оглянулась на Ивана Ивановича. Его лицо преобразилось – словно вдруг постарело на десять лет и стало совсем другим – простым и неофициальным.

– Откажись, – настойчиво цедил генерал, замедляя шаги. – Я давно за тобой слежу. Не пойму, как ты вообще в политике существуешь – таких наша свора уничтожает. Но, может, время поменялось, а может, нет... Не ходи, откажись – никого не спасешь, сама только пропадешь с потрохами. Откажись, мы закроем информацию. Откажись, и все...

Они остановились. Замерли друг напротив друга. Мария продолжала изумленно смотреть на Николаева: к чему весь этот монолог? Неужели он думает – она не понимает, что снова негодна кому-то и снова кому-то мешает? Понимает, конечно. И то, что террористы могут не отпустить ее, к сожалению, тоже.

– Понятно...

«Надо же, – подумала она. – Вот она, ирония судьбы: ты так много говорила об этом, дорогая, ты сумела убедить всех – и людей, ставших сегодня заложниками, и даже террористов, что переговоры – возможны, и как же ты поступишь сейчас?»

Помолчала...

– Я пойду. Там же люди... дети... Они ждут. Я ведь потом жить с этим отказом не смогу... – и добавила, теперь уже вслух, то, что твердила про себя, как мантру: – Все будет хорошо... а вы уж постарайтесь...

Генерал кивнул, и лицо его вновь стало приобретать привычные черты степенности, собранности, решительности. Только стало как будто еще чуть более усталым.

– Ну, пока. – Мария пожала его большую ладонь. – То есть – до свидания, Иван Иванович...

Снова мелко заморосил дождь... Нырнув в машину, на теплое сиденье, закрыла глаза. Попыталась не думать. Страх вдруг исчез – тот самый, липкий, – осталось только желание скорее уйти туда, к заложникам. Бесконечные капли неслись все сильнее, быстрее, заливая лобовое стекло. Где-то уже были такие капли... Когда-то давно, словно в прошлой жизни...

* * *

15.00

Боец подразделения «Альфа» Евгений Тихомиров – Тихоня – второй час лежал на брезентовой штормовке. С занятой позиции четко просматривалась вылизанная дождем часть площади, дверь кафе и основная витрина. Рядом шумел от помех передатчик. Сквозь треск и шипение доносились невнятные переговоры с командным пунктом.

– Парламентер! – вдруг прорезался четкий голос с раскатистым «р». – Идет парламентер... Не открывать огонь.

Почти онемевшая под тремя килограммами винтореза рука наконец-то приятно напряглась. Плечо приготовилось к отдаче – минимальной, но все равно ощутимой.

В оптическом прицеле появилась фигура, и Тихоня чуть не ахнул от удивления – вот так парламентер! Хрупкая женщина уверенно шла под взглядами затаивших дыхание снайперов. В эти секунды несколько спецназовцев, с разных позиций и под разными углами, вели ее в направлении двери. Она немного сутулилась, выставляя плечи навстречу ветру. Руки – в карманах. Четкий шаг.

– ...цатый! Что наблюдаешь? – Начало фразы проглотили помехи, но Тихоня седьмым чувством угадал, что это – ему.

– В секторе – женщина. До объекта – сто метров.

– Хорошо. Не зацепи...

Тихоня вел парламентаря аккуратно и нежно, удерживая прицел чуть выше и левее затылка. Волосы женщины промокли, спутались, висели потемневшими прядями.

Шаг. Еще шаг.

Все внимание Тихомиров направил на движение двери, на возможную тень за витринным стеклом. Пятьдесят метров до входа.

Сорок метров.

Тридцать...

«Надо было взять сумочку... – проносилось тем временем в голове Марии. – Там все необходимое – вдруг стану заложницей? Ну что за глупости?! Главное – не забыть: следы взрывчатки, сколько террористов, выпросить детей. Врачи! Может, получится с врачами? И все-таки зря не взяла сумку!!! А впрочем – нельзя. Решат, что несу оружие... Да, надо вынуть из карманов руки: пусть видят – руки свободны. Правильно, что не взяла сумочку. Очень правильно... И не забыть: следы заложной взрывчатки...»

– Десять метров, – продолжал беззвучный отчет Тихоня. – Семь... Пять, три, два, один... – Указательный палец напрягся на спусковом крючке. – Ну же, открывай...

* * *

За дверью ждал полумрак.

Мария нерешительно остановилась. Никого – только тишина и аккуратные чистенькие столики, словно ожидающие посетителей. Стойка – итальянская кофеварка для эспрессо, в ряд выстроились красивые жестяные банки с различными сортами чая и стеклянные колбы, наполненные еще не молотым кофе. Витрина – с печеньями, пирожными, фруктовыми десертами. Как будто хозяева на минуту вышли и снова вернутся – в мир кофе с корицей и взбитых сливок. И только два опрокинутых стула нарушали гармонию и кажущееся спокойствие.

Никто так и не вышел встретить ее.

– Эй! Есть здесь кто?! Я пришла!

Действовать следовало быстро. Никакого томительного ожидания! Сделала два шага вперед.

Испугаться Мария не успела: сильная рука зажала ей рот, и в то же мгновение вторая дернула в сторону, дальше от прозрачной двери. К бесшумно открывающимся в обе стороны створкам, ведущим в подсобные помещения.

Как будто из стены появился второй человек – в маске и с автоматом наперевес. Он приблизился и молниеносно ощупал Марию: провел руками по спине, спустился ниже, к ногам и карманам брюк...

Мария непроизвольно дернулась.

В руках террориста оказался выключенный мобильник.

– Чисто...

– Отпусти, – приказал голос у нее за спиной. Уверенный, холодно-равнодушный, вызывающий мурашки на коже.

Чужая ладонь исчезла. Другая – отпустила зажатое, как в тиски, предплечье.

Мария обернулась.

За канцелярским столом, таким инородным здесь, возможно, специально по такому случаю притащенным, восседал человек с бородой. Без маски. И может быть, последнее испугало больше всего: теперь точно не выпустят обратно.

– Зачем звали? – грубовато начала она, засовывая руки глубже в обшаренные карманы. – Что от меня надо?

– Нам от вас ничего не надо, – все так же холодно-равнодушно ответил ей собеседник. – Теперь ВАМ надо. Если не выполните требований – всех перестреляем. Нам и своей жизни не жалко. Мы за нее не держимся...

– Если есть требования, значит, вы пришли как политики, со своими политическими целями. – Слова приходили сами, времени на подготовку не было. – Если всех перестреляете, то вы – убийцы, бандиты. Так с кем я говорю?

Непроницаемый взгляд террориста замер на ее лице.

– Нам нужна связь с Кремлем, – не соблюдая логики диалога ответил он. – Ты будешь эта связь. Мы тебя забираем.

– Не пойдет. – Мария начала торговаться. Мысли всполохами проносились в сознании. Сколько террористов?

Пока – трое. Но их больше. Ведь кто-то находится еще и с заложниками. А впрочем, эта информация не пригодится. Так же, как и не найденные до сих пор следы взрывчатки. Ведь уже все понятно. Ее не выпустят по-любому...

Так... ничего не сделала.

Ничего не узнала...

Ничего никому не расскажет...

От явственного понимания перспектив неожиданно успокоилась.

Ее оставляют, значит, надо попробовать назначить цену.

– Отпустите детей. Они-то при чем? Господи, это ж – детки...

Говорила и чувствовала, как срывается голос, как требовательный тон сбивается на уговоры...

– На жалость не дави. Нет таких!

– Есть! – безапелляционно заявила Мария. – Детей выпускайте, плюс врач. Я иду вовнутрь и передаю в Кремль требования. Нет – убивайте, но ничего не добьетесь.

Торг оказался уместен: террорист окинул ее высокомерным взглядом, сузив глаза до двух узких щелей:

– Хорошо, женщина. Дети – да, врач – нет. Все здоровы...

15.15. ИТАР-ТАСС

Как сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС представитель оперативного штаба, террористы дали согласие вступить в прямые переговоры с официальными лицами. В настоящее время в захваченном здании находится Мария Гордеева. По предварительным расчетам, внутри здания – около пятидесяти человек, включая персонал.

15.30. Интерфакс

Лица, удерживающие заложников в московском кафе, отпустили троих подростков, сообщил официальный представитель оперативного штаба по освобождению заложников. Освобождение произошло в результате усилий переговорщиков штаба при посредничестве депутата Федерального Собрания, председателя Комитета по экономической политике Государственной Думы Марии Гордеевой...

* * *

Когда-то белый кафельный пол был заляпан следами грязных ботинок. К стене жались не испуганные, нет, скорее – изможденные нервным ожиданием люди. Они с надеждой смотрели на Марию, пытались что-то спросить, но человек в маске жестко оборвал их попытки: – Молчать! Кто слово скажет – убьем. Если в туалет – молча поднять руку.

Мария присоединилась к группке заложников.

Опустилась на пол. Под тяжестью навалившейся вдруг усталости прислонилась к стене.

Возникло абсурдное чувство удовлетворения – она хотела, она это сделала.

«Все. Пока все. Теперь нужно ждать... Терпеть и ждать нужного момента. Без агрессии. Лишь бы никто не дернулся – будь то террористы, заложники, власть. Просто ждать... Еще бы набраться терпения. Как же все это выдержать? Заменить. Да-да-да-да, заменить настоящее на прошлое. Убежать отсюда, закрыть глаза и убежать... Туда. Где все по-другому...»

Часть II

Гламур и большая политика

*Меня по-настоящему трогают обычные человеческие истории.
Кто-нибудь порежется листом бумаги, и меня пробирает, потому что
я могу это на себя примерить...*

К. Тарантино¹

Двумя годами раньше

¹ Интервью с Тарантино. Esquire, 2007 г.

Глава 1

Мария сидела за столиком кафе и задумчиво смотрела в окно. Украшенный гирляндами Арбат готовился к встрече Нового года. В свете уличных фонарей кружились, падая, снежные хлопья. Холодный вечер рассаживал припозднившихся прохожих в многочисленные кафе. Изредка хлопала входная дверь, заставляя вздрагивать – не он ли?

«Важные гости всегда приходят позже», – когда-то внушал ей Андрей. С тех пор она пришла вовремя один раз – сегодня. Во все другие дни, месяцы, годы, как послушная ученица, Мария следовала его советам: как ходить, во что одеваться, как улыбаться и говорить.

Он контролировал ее первые шаги на политических тусовках: учил не стоять одной, стискивая бокал в потной ладонке, не зажимать в угол чиновника, вызывая у того приступы ненависти предложениями по сокращению количества сотрудников Белого дома, свободно общаться с госсекретарем Америки, плохо владея английским языком.

А после – занимался «разбором полетов». Язвительно высмеивал бижутерию и прическу «училки», ловил оброненные глупости и неграмотные фразы, критиковал суждения, разбивал иллюзии...

Иногда Марии казалось, что насмешки Андрея – плод личной неприязни. Попытка растоптать ростки уверенности в себе. Ненависть, прикрытая маской содействия. И лишь понимание, что без его сарказма она обречена на провал, не позволяло запустить в него чем-нибудь тяжелым. Со временем пришло понимание, что Андрей тайно восхищался ее смелостью. Роняя колкости, помогал молодой, неопытной, но амбициозной девушке стать профессионалом в мужском мире политики.

А потом Андрей исчез. Ссылаясь на срочные дела, важных гостей, семейные обстоятельства, позволил самой решать, как ходить, во что одеваться и как разговаривать. Именно тогда она выкинула всю бижутерию и подстригла волосы. Научилась устраивать себе «разбор полетов» и больше не нуждаться в его помощи.

Вот только с иллюзиями вышла промашка. Иллюзий всегда становилось жалко. Избавляться от них не хватало духа, с ними было как-то уютнее жить, хотя чуть ли не ежедневно они разбивались, превращаясь не в осколки даже, а в мелкую пыль.

– Вы бы прошли в конец зала, – у нее за спиной возник узнавший известного политика администратор, – там все же спокойнее. Скажите, кого вы ждете, мы проведем...

– Спасибо, я останусь здесь...

Услужливый администратор незаметно исчез, прихватив с собой опустевшую чашку.

Мысль по прошествии стольких лет позвонить Андрею пришла неожиданно. В десятый раз прокручивая в телефонной трубке список имен, в поисках того, чьему владельцу она смогла бы пересказать хронологию семейных событий, Мария обнаружила, что позвонить совершенно некому. Такое количество знакомых и ни одного, перед кем она в состоянии предстать не политиком, не железной бабой, а женщиной.

Возможно, ее выбор был ошибкой. Возможно, и вовсе не стоило звонить. И его «Хорошо, я приеду» – просто дань неожиданности, удивление, что она до сих пор помнит номер... Вторая сигарета – Андрея нет. Глупо. Как глупо! Ведь уму непостижимо, сколько лет прошло! На что она надеялась?.. Конечно. Сейчас позвонит, сообщит, что занят...

– Привет! Ты вовремя? Повторяешь ошибки молодости?! – Андрей опустил в кресло напротив. Подозвал официанта, сделал заказ. – Ну, рассказывай, что у тебя стряслось?

Мария с любопытством разглядывала Андрея сквозь дым сигареты. Десятилетие как будто не затронуло его. Возможно, прибавило несколько морщин, сделало чуть резче черты, добавив лицу выразительности, а в остальном – все так же подтянут, чертовски строен в своем безупречно сидящем костюме и хорош собой.

– Почему обязательно «стряслось»?

Ей требовалось потянуть время. Найти, как в детских журналах, десять отличий. А главное – вновь привыкнуть, приладить себя, изменившуюся, к человеку из своего прошлого...

– Ну хорошо, не «стряслось»... – Он бросил на Марию оценивающий взгляд. – Судя по виду, у тебя действительно все классно. Из угловатой забавной девчонки все-таки вышла железная леди. Молодец.

– А ты не верил?

– Ни капли. – Андрей отпил немного кофе. – Такая наивная дура, идеалистка и вдруг – политик? Глупо было надеяться...

В его темных глазах мелькнули и снова спрятались маленькие золотые чертики... Мария поймала себя на мысли, что привыкать ей в принципе не к чему. Всего две минуты в его обществе, а она, как прежде, уже готова швыряться пепельницами.

– Ах так?! – Она наконец расслабилась. – Зачем же ты тогда...

– Что? Возился с тобой?... – Андрей удивленно вскинул бровь, вытащил пачку сигарет, задумчиво взял одну. – Ну... видишь ли... Думал, пройдет ну этак лет десять, и, чем черт не шутит, увижу перед собой стильную, умную стерву... Мечты сбываются!.. Я, кстати, развелся. Свободный мужчина в расцвете лет... Так что у тебя стряслось? Ты ведь никогда не звонила, значит, стряслось?

И столько сквозило в его последней фразе долгожданного сочувствия, что стерлись прошедшие годы и нелепые сомнения. Дала трещину непробиваемая стена, тщательно воздвигаемая в целях самозащиты.

– Ты знаешь... у него родился ребенок...

Андрей крутанул колесико золотой зажигалки. Хлопнул крышкой, забыв прикурить.

– Не понял. У кого родился ребенок?

– У мужа, у Сергея, не у меня же! – Мария взорвалась. Уже неделю она прокручивала в голове одно и то же. И сейчас, не стараясь быть понятой, выплескивала наружу забродившую смесь обиды, несправедливости и глупых женских надежд... – Все вроде хорошо. Он по-прежнему заботится, гордится моими успехами. Ольга вот у нас. На папу похожа. Ты знаешь, у меня ведь дочка родилась еще... Ну конечно, знаешь! В общем, отлично все. Идеальная жена, идеальный муж, прекрасные дети! Но в этой совершенной машинке семейного гнезда что-то сломалось. Сначала появилась женщина. Я знала, но было... нет, не безразлично... скорее некогда... Казалось, само наладится или вообще – нормально все. А теперь вот – ребенок...

Мария отвернулась к окну. Какая нелепость! Зачем? Зачем она рассказывает этому успешному, красивому мужчине то, в чем не признаются даже лучшим подругам? Ведь банальная же история! Как у всех. Ну, у кого иначе? Но нет, она же, как всегда, была уверена, что у нее все будет по-другому! Ну да... Есть что-то идиотское в постоянном стремлении к перфекционизму.

– Да, дела... – Андрея смутила ее откровенность. Поразила прежняя открытость, от которой он так старался Марию избавить. Что ж, видимо, все было зря. Ни черта у него не вышло. Не удалось доказать, что отсутствие толстой брони – ее уязвимость. – Я, знаешь ли, не любитель мелодрам. Бизнес, политика, элиты – это мое, да. А любовь... это для девочек. Поэтому, что тебе делать со своей жизнью, не скажу. Но, с твоего позволения, дам профессиональный совет... Вы идеальная пара. Ты слышишь? Про вашу счастливую семью фильмы снимать можно! Не вздумай с ним расставаться, поняла? Хочешь продолжать карьеру – оставайся...

Мария протестующе взмахнула рукой:

– Остановись! Все советы знаю: терпи, все пройдет, он тебя любит... Да, я могу терпеть. Я даже останусь. И кстати, я тоже тепло к нему отношусь. Но пойми, Андрюш, ведь и у меня внутри что-то треснуло... Все силы куда-то ушли, ничего не получается. Да я, в общем-то, не об этом. Ты мне лучше скажи... ну, не удивляйся, ладно? Ответь как мужик... посмотрев на меня со стороны. Ну да. Представь, что мы не знакомы. У меня есть шанс? Я хочу сказать: мужчина, любовь – это возможно? В большой политике...

Они смотрели друг на друга: он – оценивая профессиональным взглядом бывшего дипломата, а ныне – эксперта, она – выжидая, настороженно.

– Нет...

Это категоричное «нет» откинуло Марию, вжало в кресло. Не доверять Андрею нет причин.

– Нет?.. Почему – «нет»? – позволила себя добить, с надеждой зацепиться хоть за что-нибудь, найти скрытый смысл.

– Еще лет пять назад я сказал бы «да». А сейчас... – с циничностью хирурга Андрей обстоятельно расписывал причины отказа: – Ты красивая, умная – последнее, кстати, минус, – но по каким-то невероятным, совершенно непонятым мне причинам ты очень высоко взлетела. И стала звездой. Или, сказать иначе – иконой. Тобой можно восхищаться, поклоняться тебе, но чтобы приблизиться, полюбить... нет, невозможно... Слишком много всего. Известности, характера, самостоятельности, стиля. Все – слишком... И потом: на твоей позиции не до романтики. Это действительно серьезная политическая карьера. Поэтому: пахать, как мужику, а дома – привычный муж, который это все терпит. Нормально! Так что не советую что-то менять. Кстати, если проблемы... можно вечерок скоротать... Это я так, на правах старого друга...

Мария уже не слушала... Удар наотмашь. «Невозможно, невозможно», – с упрямством эмоционального мазохиста повторяла она... Превратиться в деловую стерву, отдающуюся работе по причине комплекса брошенной жены, – ну нет. Перебьются все!

* * *

С того вечера прошел месяц, а может, два. Лежащий на улицах снег давно перестал дарить ощущение праздника. Он постарел и раздражал своим тускло-серым однообразием. Как, впрочем, и вся ее жизнь...

Мария упорно старалась выкинуть из головы разговор с Андреем. Но он засел в голове намертво, рождая двойственное чувство: отчаяние и злость.

Стильная женщина. Ей немного за сорок. Впрочем, если не знать, можно промахнуться лет на пять-десять-двенадцать. Одета со вкусом и сдержанно. Отсутствие макияжа делает лицо молодым и свежим. Когда-то голубые глаза потемнели, приобрели глубину и жесткий, стальной оттенок.

Она недоумевала: в чем проблема-то? Почему так? Оказаться на вершине и бесноваться от ощущения никому ненужности? Иметь за плечами два красных диплома, иностранные стажировки, головокружительные победы, почти невозможные свершения и маяться от сумасшедшей тоски?

«Тобой можно восхищаться, поклоняться тебе, но чтобы приблизиться, полюбить... нет, невозможно...»

То есть! Сверхженщина – уже не женщина. Потерявшая в глазах окружающих принадлежность к полу, а вместе с ней – свою сексуальность, она представляет интерес для интеллектуалов, психиатров и карьеристов. Сверхженщина – селекционный вид, разновидность homo sapiens, возвращенный двадцать первым веком, родственник существовавшим ранее андрогиниям. Попросту говоря – недоженщина.

Со своей недоделанной женственностью Мария банально «упустила» мужа. Ну что ж, логично. Видимо, где-то там, в стороне от феерично-успешной жены, с упоением взбирающейся по лестнице власти, с уверенностью диктующей правила и законы, он находит свое простое, мужское счастье. И его можно понять: про него-то забыли...

Иногда ей хотелось попросить: «Расскажи. Расскажи, что в ней такого? Ну, какая она? Там, в постели...»

Но вызов на откровенность нарушил бы с трудом удерживаемое равновесие. Негласные правила игры. Поэтому Мария иронизировала, сколько могла: над собой, над всем женским родом, шутиливо прикрываясь последним фиговым листком, что размножение почкованием для деловых женщин – не проблема, и на время забывала об этом.

...Надоело кутаться в теплое пальто. Надоели сапоги и перчатки. Надоел бесконечный полумрак. Хотелось пусть не тепла, но хотя бы света. Может, именно поэтому и согласилась высвободить в графике вечер для похода в Дом музыки на престижный концерт.

В антракте, в шумной толпе среди не по-зимнему экипированных «на выход» дам и молчаливых мужчин, делающих умный вид, чтобы не так бросалась в глаза их сопровождающая функция, сразу стало душно. Мария привычно улыбалась знакомым лицам, когда над ней прогремел известный на всю страну голос:

– Мария! Милочка! – Седовласый актер, счастливый присутствием рядом с ним очаровательно-молодой жены, источал благодущие. – Как я рад вас видеть! В ваше отсутствие складывается впечатление, что платья и костюмы нужны политикам, чтобы протирать их на заседаниях... Как хорошо, что вы не такая! В Дом музыки ходите, единственная наша...

Мария зарделась от его внимания:

– Так хочется чаще приходить, но времени катастрофически не хватает...

– Да зачем же вы политикой занимаетесь? – Он скрестил руки на груди и окинул ее наигранно-оценивающим взглядом: – Вот смотрю я на вас и думаю: такая потрясающая женщина! Ваше место совсем в других кругах...

Мария рассмеялась. Уж она-то точно знает, где ее место и в каких кругах! По залу дефилировал знакомый чиновник из Министерства юстиции. Вот он – ее круг! Воспользовавшись ситуацией, Мария подхватила мужа под локоть и сделала несколько быстрых шагов к чиновнику:

– Здравствуйте, Юрий Владимирович.

– Вечер добрый, Мария. Прекрасный концерт, вы не находите?..

– Прекрасный, – согласилась она. И без перехода добавила, сорвав чиновнику попытку ограничиться культурной темой: – Кстати, как там Минюст? Завизирует нам закон о Пенсионном фонде?

Ошарашенный вопросом в лоб, он растерялся:

– Ну... Смотрим. Проверяем...

– Там столько споров было! – Мария перешла на шепот. – С таким трудом нашли компромисс... Но отчего-то мне кажется, там полно, назовем их, «юридических ошибок»... Не так ли?

– Да-да. – Чиновник отер лоб платочком, автоматически огляделся: отступать некуда. Понизил голос. – Действительно есть несколько позиций... Достаточно спорных.

– Ну а в принципе? – не отставала она. – По большому счету? Чего можно ожидать?

– Э-э-э... я не знаю...

– Да ладно вам! – Ей было легко кокетничать. Прекрасное настроение, желание узнать все заранее и явная растерянность оппонента – все-таки не Джеймса Бонда – позволяли воспользоваться своим обаянием в деловых целях. – Скажите по секрету-то: будет подписан? Или нет?

– Ну... – Чиновник шумно вздохнул: – Будет. Будет. Но это – шепотом, это – между нами!

– Конечно! – Мария чуть не чмокнула его в лысую макушку, благоразумно удержалась и с чувством выполненного долга направилась в зал – слушать второе отделение.

Но взгляд выхватил в толпе понятных ей людей – обласканных временем известных музыкантов, депутатов, чиновников – молодого человека. Он был высок, изысканно и нервно худощав. В костюме дорогом, но неброском, сидящем на нем как-то небрежно-элегантно. Он резко выделялся в толпе каким-то особенным европейским шиком.

– Хотел бы представиться. Василий Вихров, художник-дизайнер, – неожиданно обратился к ней красавец брюнет.

«Какие пронзительные голубые глаза... красивый чувственный рот... – подумала Мария. И тут же обратила внимание на стоящую рядом женщину. – Наверное, жена...»

– Моя жена – Елена... – Предположение оказалось верным. – Не могу не воспользоваться случаем, поэтому приглашаю вас на дизайнерскую выставку.

Голос молодого человека был глубок и дополнял его нездешний образ.

– Мой муж – Сергей, – представила Мария, наконец отважившись снова взглянуть в глаза нового знакомого. Там читалось многое. Любопытство, азарт, некоторое смущение и, если Мария не ошиблась, откровенный и в чем-то даже бесстыдный интерес... Смешавшись, она ответила, отчего-то подразумевая одновременно и искусство дизайна, и что-то еще, пока необъяснимое: – Спасибо, но я как-то в этом ничего не понимаю...

Ни «да», ни «нет».

– Я вам все расскажу. – Мягкая, уговаривающая интонация делала фразу почему-то двусмысленной. Заметив на ее лице легкий румянец, новый знакомый сменил тон и весело добавил: – А что? Убьем двух зайцев. Художникам – пиар: политическая звезда посетила их выставку. Вам – выход за рамки официоза. Вы первая начнете сближать мир политики и современной богемы. Прямо как Никита Сергеевич Хрущев!

Он рассмеялся, но глаза остались серьезными. Взгляд выжидающий, настороженный, не отпускающий. Она тоже улыбнулась: сравнение с Хрущевым показалось странным и поэтому смешным. Протянула свою визитку. Его – стильную, необычную своей прозрачностью, почти невозможностью существования, – быстро положила в сумочку.

– Ну что, устала? – Муж бережно взял ее под локоть. Заговорщицки шепнул: – Уйдем?

Все еще продолжая улыбаться знакомым лицам, Мария ответила одними губами:

– Конечно. Уйдем скорее...

В машине она положила сумочку на пустующее сиденье. Там, в отдельном кармашке, лежал трофей. Еще не ясно, зачем он ей. Звонить? «Сближать мир политики и современной богемы»? Что это значит? Неужели она действительно пойдет на выставку современного дизайна?

– Ты согласишься на его приглашение? – Сергей уверенно вел автомобиль по наконец-то опустевшему центру. – Опять лицом одаришь очередное дурацкое мероприятие?

– Чье приглашение?

– Ну, этого... как его... Василия ибн Уорхола... Надо же! Какое прекрасное русское имя! – Сергей подрезал неповоротливую малолитражку. Добавил: – А главное – редкое...

Она оставила остроту без внимания:

– Не знаю. Подумаю...

– Сейчас отвезу тебя домой, потом уеду... по делам. – Сергей посмотрел на жену в зеркало заднего вида, их взгляды на мгновение встретились. – У тебя все в порядке?

– У меня все в порядке.

А впрочем, почему бы и нет? Почему бы ей не пойти на выставку? Не важно чего. Современного дизайна. Африканского авангарда. Английского андеграунда. Древнего хайтека... Какая разница?

– Ты сходи. – Муж припарковал автомобиль рядом с подъездом. – Знаешь, я давно хочу тебе сказать. Если в твоей жизни появится кто-то – это ничего не изменит. Ты ведь знаешь, что я люблю тебя. Мы же уже взрослые...

«Ничто не мешает мужчине, уходящему к другой женщине, произнести: „Я люблю тебя“, – подумала она. – И там, у другой, повторить, как заклятие, слово в слово. Что это? Легкомысленность? Коварство? Нет! Скорее, безответственность...»

Она давно поняла, что мужчины совсем просто относятся к слову «любовь». Любовь для них включает многое и порой совершенно разное. То читается, как «родное существо, так долго жили вместе, без тебя не могу», то: «хорошо к тебе отношусь, привык к тебе». А вот женщина по-прежнему ищет в слове «любовь» тот самый изначальный смысл. И сразу же попадает на своей серьезности.

– Да-да-да. – Она прижала к бедру театральную сумочку. – Я все знаю. Удачи тебе сегодня.

Мария вышла из машины. Если бы это было возможным, она никогда не становилась бы взрослой. Быть взрослой – означает быть мудрой. Все понимать и идти на компромиссы. Видеть людей и перспективы взаимоотношений насквозь. Никаких истерик. Никаких иллюзий. Никакого самообмана. Сплошное терпение...

В квартире, надежно отгороженной от людей консьержкой, телекамерами и железными дверьми, ее не отпускало беспокойство. Визитка переключалась на столик у кровати, настойчиво напоминая о своем хозяине. Каллиграфическая четкость и красота выписанных букв рождали образ чего-то из другого мира.

Мария пыталась отыскать в ее хозяйне недостатки.

Для начала, этот художник-дизайнер неприлично молод. Сколько ему лет? Тридцать пять? Тридцать?! Ужасно! Еще – он прямо-таки вызывающе, не по-русски, холен...

– Ма-ма... Ты дома? – донесся голос Ольги.

– Да, дома. – Мария зашла в детскую. – Ты чего не спишь? Десять часов! Ну Олечка, ну завтра же в школу...

– Соску-у-училась...

– Хочешь, книжку читаем? Сказки?

...Двумя часами позже Мария все еще продолжала сидеть на полу, обняв колени и прокручивая в уме основное событие вечера. Еще вчера таким основным событием для нее стала бы новость чиновника из Минюста. Сегодня – нет. Что-то отвлекало ее, в голову лезли глупости, типа: «Если дать себе труд подумать: между мной и Василием Вихровым – пропасть. Бездна возраста, опыта, образа жизни... Гламурные эльфы и политики – что между ними общего? Наверное, они друг от друга даже не размножаются...»

Ольга повернулась во сне, скинула одеяло. От шороха Мария очнулась. Раскрытая книга лежала на полу. Дочь крепко спала. Настенные часы показывали третий час.

«Тоже мне, развелась на сентиментальную чушь! – отчитывала она себя в ванной комнате, с особенной яростью расчесывая волосы. – Господи, как всегда: три часа ночи, а завтра тяжелый день...»

Глава 2

День и в самом деле выдался тяжелым.

– Я знаю одно: государство – это святое. Его нельзя вот так... Исключать, понимаете? Из экономической жизни...

Самоуверенный баритон собеседника давил, в его словах чувствовалась вся мощь коммунистического молота. Он прикурил чуть ли не двадцатую за утро сигарету.

Мария тоже закурила. В табачном дыму легко повис бы и целый арсенал топоров. Но она осталась к этому равнодушной. Непонятно зачем она решила переубедить сидящего в кабинете человека. Пока задача казалась непосильной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.